

УДК 343.1

К ВОПРОСУ О СУБЪЕКТЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ*Н. А. Юркевич***TO THE QUESTION OF THE SUBJECT OF JUDICIAL CONTROL IMPLEMENTATION***N. A. Yurkevich*

В статье рассматриваются сущность судебного контроля, особенности реализации данного института в стадии назначения судебного. Обосновывается вывод об ошибочности возложения на одного субъекта функций правосудия и судебного контроля. На основе анализа позиций ряда видных ученых-процессуалистов и зарубежного законодательства, предлагается введение института следственного судьи для осуществления судебного контроля.

The paper focuses on the essence of judicial control and the feature of its realization at the stage of judicial appointment. The author proves the wrong of assigning the functions of justice and judicial control to one subject. Basing on the analysis of the views of a number of prominent scientists in the field of criminal trial and the foreign legislation, introduction of the institution of the investigative judge for implementation of judicial control is suggested.

Ключевые слова: уголовно-процессуальные функции, правосудие, судебный контроль, полномочия судьи, следственный судья.

Keywords: criminal procedure functions, justice, judicial control, powers of the judge, investigative judge.

К одним из положительных результатов реализации Судебной реформы в РФ можно отнести внедрение в уголовный процесс России института судебного контроля. «В русле установок Концепции судебной реформы», – отмечает профессор В. А. Азаров, – Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации ввел в отечественное судопроизводство полномасштабный институт судебного контроля, что явилось весомой гарантией охраны прав личности, вовлеченной в уголовное судопроизводство. Вместе с тем указанное обстоятельство не привело к окончательному разрешению вопросов, связанных с реализацией судом одноименной функции. Одной из острых проблем, выявившихся в ходе применения данного института, оказалось его невысокая, по мнению многих ученых и практиков, эффективность» [1]. Трудно не согласиться с выводом Н. Н. Ковтуна и Е. Н. Суловой в том, «... что оперативный судебный контроль, задуманный в Концепции судебной реформы в Российской Федерации (1991 г.) и (в основных своих положениях) нормативно воплощенный в жизнь в УПК РФ (2001 г.), в силу целого ряда субъективных и организационных моментов деятельности суда так и не стал надежной процессуальной гарантией интересов, прав и свобод личности, в которой так нуждаются участники уголовного судопроизводства и российское общество в целом» [6].

Причины невысокой эффективности судебного контроля обозначил в своей статье видный ученый-процессуалист И. Л. Петрухин. «Высокая удовлетворенность ходатайств прокуроров и следователей, – отмечал он, – не признак больших успехов прокуратуры и органов расследования, а свидетельство низкой эффективности судебного контроля за расследованием преступлений. Причин здесь несколько. Во-первых, высокая служебная нагрузка судей районного звена (например, в Басманном суде – до 200 уголовных дел в среднем на судью в год). Во-вторых, возложение одной и той же функции на следователя, прокурора и судью (судья надеется, что прокурор, давая согласие на проведение про-

цессуального действия, делает это добросовестно, профессионально и не допускает ошибок)» [11, с. 4].

Помимо низкой эффективности, совмещение в одном лице полномочий суда по отправлению правосудия и судебного контроля за досудебным производством неизбежно влечет ещё одну опасность – формирование у судьи предварительного убеждения по вопросу о виновности обвиняемого – проблемы, которая послужила основным мотивом реформы стадии предания суду. Подобное совмещение у одного субъекта различных судебных функций вызывает обоснованную критику в теории уголовного процесса. К примеру, Л. М. Володина справедливо обращает внимание на то, что «не всегда возможно в случае участия судьи в принятии решения на стадии предварительного расследования обеспечить объективность исследования обстоятельств дела в последующем, в ходе судебного разбирательства. Особенно остро встает этот вопрос для судов российской «глубинки», действующих нередко в составе одного районного судьи» [3, с. 68]. «Судебная система, – образно подмечает А. В. Смирнов, – которая одной рукой закрывает за обвиняемым дверь арестантской камеры, а другой подписывает ему оправдательный приговор, рискует оказаться в положении гоголевской унтер-офицерской вдовы, которая «сама себя высекла» [14, с. 52].

Недопустимость такого совмещения полномочий была очевидна на момент принятия УПК РФ, и потому решение судьей вопроса о заключении обвиняемого под стражу согласно ст. 63 УПК РФ (в её первоначальной редакции) признавалось основанием для его отвода, но затем, в угоду практическим соображениям и, исходя из своеобразия административно-территориального деления России, Федеральным законом от 29.05.2002 г. № 58-ФЗ эта норма была исключена. По мнению А. Г. Халиулина, «...будет целесообразен возврат к ранее существовавшему запрету на рассмотрение уголовного дела по существу судьей, который ранее применял к обвиняемому в досудебном производстве меру пресечения, продлял сроки содержания под стражей, давал

разрешение на обыск, прослушивание телефонных переговоров и другие ограничения конституционных прав» [17, с. 94]. Аналогичное предложение высказывает Е. Н. Осипков, который считает необходимым дополнить ст. 63 УПК частью 4: «Судья, принимавший участие в предварительном слушании по факту исключения доказательств, а также решения вопроса о ранее избранной мере пресечения в виде заключения под стражу, не может участвовать при рассмотрении дела в судебном заседании, за исключением случаев коллегиального рассмотрения дела. ...Предлагается, как один из вариантов, данные полномочия на этапе подготовки дела к судебному заседанию отнести исключительно к ведению мировых судей. Идеальной же видится форма, в которой указанные полномочия могут быть отнесены к ведению новой процессуальной единицы» [10, с. 10].

Полагаем, что последнее предложение Е. Н. Осипкова являет собой наиболее правильный вариант решения данной проблемы. На нежелательность совмещения у судьи различных по своей природе функций обращают внимание многие ученые-процессуалисты. Как отмечает А. В. Смирнов, в публичном процессе требования размежевания процессуальных функций сверхактуальны, поэтому судебный контроль не может быть непосредственно продолжен правосудием, ибо он превращает состязательность в розыск. Судей как минимум должно быть двое: один для предварительного следствия и предания суду, другой – для осуществления правосудия [14, с. 52]. «Принципиально, – отмечают Н. Н. Ковтун и Е. Н. Сулова, – и то, что "косметические" поправки в закон ничего не изменят в этом вопросе, поскольку вопрос о независимом и эффективном следственном судье ("судье за арестами...") надо решать на основе кардинально иных нормативных и организационных моментов осуществления этого вида судебной деятельности» [6].

Вопрос о том, какому органу следует поручить осуществление судебного контроля, разными учеными решается по-разному. По мнению М. К. Свиридова, эту деятельность следует возложить на конституционные (уставные) суды, при этом в качестве аргумента указывалось на то, судебный контроль на досудебном производстве не соответствует назначению уголовного процесса, поскольку природа применяемых при этом норм другая. В частности, нормы, формирующие процедуру деятельности в рамках судебного контроля, – конституционные, а, следовательно, наиболее приемлемые для данного феномена – в конституционном процессе [13, с. 5]. Говоря о необходимости передачи судебного контроля специальным судебным органам, М. Е. Пучковская апеллирует к зарубежному опыту. «Во многих западных странах, – отмечает М. Е. Пучковская, – функция контроля за законностью деятельности органов предварительного следствия возложена на суды, вернее скажем так – на специальный судебный орган, который не осуществляет впоследствии правосудие по уголовному делу. Во Франции – это Обвинительная камера, в Германии – Общественная камера, в Италии – Следственная камера» [12, с. 85].

Заслуживает внимания и предложение, высказанное Н. Г. Муратовой, которая обосновывает необходимость введения в уголовное судопроизводство России фигуры следственного судьи, наделив его контрольными судеб-

ными функциями за ограничением или стеснением конституционных прав и свобод личности при производстве дознания, предварительного следствия и оперативно-розыскной деятельности, а также проведения следственным судьей предварительных слушаний в условиях закрытого состязательного судебного разбирательства по основаниям, указанным в пп. 1 и 2 ч. 2 ст. 229 УПК РФ. Таким образом, Н. Г. Муратова предлагает передать следственному судье полномочия по осуществлению оперативного контроля за досудебным производством и частично – полномочия по преданию суду [8, с. 4]. Подобное предложение высказано В. В. Николуком и Ю. В. Деришевым, которые выступают за создание специального судебного органа при судебном ведомстве – следственного судьи для организации судебного контроля за производством предварительного расследования прокурором, органами дознания и предварительного следствия [9, с. 170]. За целесообразность создания института специализированных органов судебной власти – федеральных следственных судей, осуществляющих исключительную функцию судебного контроля и свободных от полномочий по отправлению правосудия не только по делу, по которому принимали решения на этапе досудебного производства, но также по любому другому делу, высказывается и И. Ф. Демидов [4, с. 24].

Важно отметить, что потребность в создании новой фигуры для осуществления судебного контроля признается и руководством судебной системы России. Так, В. М. Лебедев считает, что судебный контроль за расследованием может быть обеспечен и путем поручения этой функции следственному судье [7, с. 71].

На наш взгляд, более привлекательной представляется позиция О. А. Картохиной, которая предлагает «ввести должность следственного судьи, правомочного принимать решения в ходе предварительного расследования об избрании мер пресечения и иных мер принуждения, а также о производстве следственных действий, ограничивающих конституционные права и свободы граждан и отнесенные Законом к компетенции суда. А также наделить такого судью полномочиями по подготовке к судебному разбирательству, в том числе по проведению предварительного слушания» [5, с. 78].

Соглашаясь с идеей создания специального субъекта для осуществления судебного контроля (при этом у нас не вызывает возражения предлагаемое в литературе название должности – «судебный следователь»), считаем, что оптимальной моделью для определения полномочий такого субъекта могла быть Обвинительная камера во Франции, которая по УПК Франции 1958 г. являлась Следственным судом второй инстанции в составе Апелляционного суда. При разрешении вопросов о предании обвиняемого суду по материалам, переданным прокурором, Обвинительная камера устанавливает, собраны ли против обвиняемого достаточные улики. При этом она может во всех случаях по ходатайству Генерального прокурора, или одной из сторон, или по своей инициативе распорядиться о проведении дополнительных следственных действий, которые она считает полезными. Обвинительная камера также проверяет законность процессуальных действий по делам, переданным на ее рассмотрение. Если Обвинительная камера найдет основание для признания недействительности процессуального акта, она объявляет его недействитель-

ным с последующим изъятием из дела. Важно отметить, что Обвинительная камера вправе распорядиться о предъявлении обвинения лицам, которые не были привлечены к уголовной ответственности. Напротив, если же Обвинительная камера приходит к выводу, что совершенное деяние не содержит ни состава преступления, ни проступка, ни нарушения, или если не существует достаточных улик против обвиняемого, она объявляет о прекращении уголовного преследования.

Немаловажным является то, что решение вопроса о предании суду было не единственной функцией Обвинительной камеры. Глава II Уголовно-процессуального кодекса Франции называлась «Об Обвинительной камере как следственном суде второй инстанции», поэтому она имела полномочия по выдаче мандата на задержание, утверждала постановление следственного судьи о заключении под стражу и рассматривала апелляции на эти решения. А в соответствии с разделом третьим этой главы Обвинительная камера осуществляла контроль за деятельностью должностных лиц полиции и могла передать материалы в отношении этих лиц Генеральному прокурору.

Как видно, этот судебный орган имел полномочия по осуществлению судебного контроля, практически полностью совпадающие с полномочиями суда, преду-

смотренными ст. 29 УПК РФ. Привлекательным для нас здесь представляется подход, при котором функции судебного контроля и правосудия отделены друг от друга, поскольку соответственно судебный контроль возлагался на Обвинительную камеру, а правосудие на СУДЕБНЫЕ ОРГАНЫ, РАЗРЕШАЮЩИЕ ДЕЛО ПО СУЩЕСТВУ, предусмотренные Книгой второй УПК Франции [16].

Назвать этот орган можно было бы, к примеру, «Апелляционный следственный суд», а судьи этого суда могли бы занимать должности «следственного судьи». Сосредоточив различные направления судебного контроля в одном органе, отделенном от судов, отправляющих правосудие, с одной стороны, мы получим орган, который не будет отвлекаться на решение иных вопросов, что сделает его деятельность эффективной, с другой – повысим гарантии осуществления правосудия, ибо исключим ситуации, когда один и тот же судья сначала положительно решает вопросы, связанные с производством следственных действий на предварительном следствии, потом – о продлении срока содержания обвиняемого под стражей на предварительном слушании, а затем рассматривает дело в отношении этого же обвиняемого по существу.

Литература

1. Азаров, В. А. Феномен судебного контроля: заметки на полях трех диссертаций / В. А. Азаров // Уголовное судопроизводство. – 2008. – № 2. КонсультантПлюс.
2. Быков, В. М. Судебный контроль за предварительным следствием / В. М. Быков // Уголовный процесс. – 2007. – № 1. – С. 35 – 38.
3. Володина, Л. М. Механизм обеспечения прав личности в российском уголовном процессе: дис. ... д-ра юрид. наук / Л. М. Володина. – Екатеринбург, 1999.
4. Демидов, И. Ф. Судебная реформа и новые проблемы науки уголовного процесса / И. Ф. Демидов // Вопросы укрепления законности в уголовном судопроизводстве в свете правовой реформы: материалы конференции. – М.; Тюмень, 1995.
5. Картохина, О. А. Начало и прекращение уголовного преследования следователями органов внутренних дел: дис. ... канд. юрид. наук / О. А. Картохина. – СПб., 2003.
6. Ковтун, Н. Н. Эффективность оперативного судебного контроля / Н. Н. Ковтун, Е. Н. Суслова // Уголовное судопроизводство. – 2010. – № 3. КонсультантПлюс.
7. Лебедев, В. М. Судебная власть в современной России / В. М. Лебедев. – СПб., 2001.
8. Муратова, Н. Г. Система судебного контроля в уголовном судопроизводстве: вопросы теории, законодательного регулирования и практики: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / Н. Г. Муратова. – Екатеринбург, 2004.
9. Николук, В. В. Оптимизация досудебного производства в уголовном процессе России / В. В. Николук, Ю. В. Деришев. – Красноярск: Сибирский юридический институт МВД России, 2003.
10. Осипков, Е. Н. Действие принципа состязательности сторон на этапе подготовки к судебному заседанию в уголовном судопроизводстве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук / Е. Н. Осипков. – Оренбург, 2007.
11. Петрухин, И. Об эффективности судебного контроля за следствием и оперативно-розыскной деятельностью / И. Петрухин // Уголовное право, 2007. – № 2.
12. Пучковская, М. Е. Исправление судом следственных ошибок на стадии предварительного расследования и при производстве в суде первой инстанции: дис. ... канд. юрид. наук / М. Е. Пучковская. – Красноярск, 2003.
13. Свиридов, М. К. Соотношение функций разрешения дел и судебного контроля в деятельности суда / М. К. Свиридов // Правовые проблемы укрепления российской государственности. – Томск, 2001.
14. Смирнов, А. В. Модели уголовного процесса / А. В. Смирнов. – СПб.: Наука: Альфа, 2000.
15. Судебный контроль в уголовном процессе: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности "Юриспруденция" / А. И. Давыдова [и др.]; под ред. Н. А. Колоколова. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2009.
16. Уголовно-процессуальный кодекс Франции 1958 года с изменениями и дополнениями на 1 января 1966 года. – М.: Прогресс, 1967.
17. Халиулин, А. Г. Заключение под стражу: законность и необходимость / А. Г. Халиулин // Уголовный процесс. – 2008. – № 7.

Информация об авторе:

Юркевич Николай Алексеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики юридического факультета КемГУ, 8-903-943-92-82, urkevich@kemsu.ru.

Nicolay A. Yurkevich – Candidate of L, Assistant Professor at the Department Criminal Procedure and Criminalistics, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 28.10.2013 г.